

Художественный театр. „Николай Ставрогин“.

Фот. Фишеръ.

Варвара Петровна—Н. С. Бутова.

Лебядинъ—В. Ф. Грибунинъ.

Марья Тимофеевна—М. П. Лилина.

Прологъ

къ пантомимъ А. Шнитцлера

„Покрывало Пьеретты“.

Образы: Сивилла. Пьеро. Пьеретта.

Звѣздная полночь. Ни явнаго движенія, ни различимаго цвѣта, ни вишняго звука. Пространство воспринимается, какъ лунное видѣніе пустынныхъ, откинутыхъ въ безпредѣльность холмовъ.

Сивилла. (Одна, у смутно очерченнаго жертвенника, съ сумрачнымъ волненіемъ читаетъ древнія страницы).

Великое смятеніе и покой,
И дѣтскій смѣхъ и дѣтскій плачъ съ тоской,
Суровый жребій сплелъ въ душѣ людской!
(Короткое молчаніе).

Долгъ радости и скорби лишь на мигъ
Едва вскрываетъ глубь сердецъ людскихъ,
Земля и небо горько слиты въ нихъ!
(Немного помолчавъ, съ возрастающимъ волненіемъ).
Жаръ смертныхъ думъ—какъ бранный майскій цвѣтъ,
И суетно дѣянье дней и лѣтъ,
И въ смертныхъ снахъ величья жизни нѣтъ!
(Короткое молчаніе).

И вешній лугъ и снова зимній снѣгъ,
Двухъ вѣчныхъ волнъ нерасторжимый бѣгъ,—
Вотъ все, что вилить въ міръ человѣкъ!
(Судорожно воздѣвъ руки, вся вырастая, со взглядомъ, обращеннымъ какъ бы внутрь).

Опять, опять мой вѣщій духъ объемлетъ
Всю тайную безмѣрность бытія,
Міръ сна, міръ яви, прахъ судебъ былыхъ,
И свѣтлый звонъ мгновеній настоящихъ,
И скрытый трепетъ будущихъ вѣковъ...
(Во время послѣднихъ словъ Сивиллы, точно вызванные напряженіемъ ея воли, какъ образы ея пророческаго видѣнія, скользящей поступью лунатиковъ, появляются Пьеро и Пьеретта. Погруженная въ свое тайное созерцаніе, Сивилла не замѣчаетъ ихъ).

И скорбно я вникаю въ жизнь людскую,
Въ выханіе тоскующихъ сердецъ,
Гдѣ больно-больно бьется бредъ нестройный

Гонимыхъ страхомъ странниковъ земли...
И вижу я...

(Тяжело дыша, она закрываетъ руками лицо. Молчаніе).
Пьеро (дѣлая невольный и робкій шагъ къ ней).

И что же видишь ты?

Сивилла. (Открывъ лицо и какъ бы впервые замѣчая пришедшихъ, съ суровой дрожью и сумрачнымъ холодомъ въ голосѣ).

И вижу я все тотъ же кругъ глухой,
Гдѣ, темные рабы самихъ себя,
Враждуютъ люди въ рабствѣ другъ у друга,
Творя, всегда по жребію, ихъ зло
Невольное, невольное добро...
И вижу я въ одномъ кругу желѣзномъ
Людского дня корыстную тревогу,
Власть праздности надъ горестнымъ трудомъ,
Крикливость жи предъ истиной безмолвной,
И вѣчно тѣ же въ тѣсныхъ граняхъ праха—
Рожденіе, рожденіе и смерть!

Пьеро.

Тогда открой мнѣ, мудрая Сивилла—

Сивилла.

Нѣтъ, нѣтъ, молчи,—мнѣ вѣдомъ твой вопросъ!
Измученный гаданьемъ мысли дѣтской,
Ты хочешь знать, что въ мірѣ ждетъ тебя—

Пьеро (настойчиво)

Открой! Скажи—

Пьеретта.

Открой и мнѣ мой жребій!

Сивилла (обращаясь къ Пьеро, строго).

Достаточно ль ты силенъ, чтобъ взглянуть
На ликъ Судьбы?—нѣтъ, нѣтъ, дитя, опомнись!
Своей земной дороги человѣкъ
Не можетъ знать, не долженъ знать, и въ этомъ
Проклятіе и счастье его.
Иначе онъ убьетъ, не давъ раскрыться,
Волшебный цвѣтъ мгновенья и нарушить
Всю свѣжесть слезъ и радостей своихъ,
Будь слѣпъ, какъ былъ! Не спрашивай,
Пьеро (съ гордой твердостью).

Я силен!

Пьеретта (колеблется).

И я сильна!—

Сивилла.

Да будетъ такъ. Аминь.
(Обращаясь къ Пьеро).